

ществах, как у человеков, так и у других тварей, согласие от собственного и участнаго своего прибыточества утверждено, а не от любви к подобной себе твари. Дружимся и любимся мы ради самих себя. Другого любим, любя себя; ненавижим, ненавидя его. Все наши действия происходят от любви к себе и от ненависти к другому». ⁶⁰ Представление о злой, эгоистической природе человека, обуреваемого страстями, характерно для обоих авторов, и каждый из них апеллирует к разуму слушателей или читателей, стремится обосновать необходимость «верховой власти», т. е. просвещенного абсолютизма. По стилю статья Сумарокова тоже приближается к проповедническому слогу Прокоповича. Можно отметить, в частности, интересную деталь: Сумароков говорит о человеческих страстях, постоянно используя форму первого лица множественного числа: «дружимся и любимся», «любим», «ненавидим», «наши действия». В свое время Прокопович специально рекомендовал этот прием проповедникам: «Непригоже велми проповеднику, наипаче юному, говорить о грехах властителски или обличителне к лицу слышателей, так например: не имеете страха божия, нет у вас любви ко ближнему, не милосердны есте, друг друга обидите. Но должно паче в первом лице, во множественном числе так говорить: не имеем страха божия, нет у нас любви ко ближнему, немилосерди есмы, друг друга обидим. Ибо сей образ слова кроткий есть, понеже и сам проповедник в числе грешников мешает себе». ⁶¹

Сопоставление проповедей Феофана с сочинениями Сумарокова позволяет расширить наши представления о влиянии Прокоповича на последующее поколение русских писателей. ⁶² Исследователи неоднократно указывали на роль Феофана в формировании литературного таланта Кантемира. Этот вопрос достаточно хорошо исследован в современной науке, и, не имея возможности останавливаться на нем, напомним вывод, к которому приходит Л. В. Пумпянский: «Как ни развил Кантемир применение метода, но самый метод, норма, речевой принцип усвоены им от русской проповеднической традиции, в особенности от Феофана. Как вся его сатира (особенно ранняя) была своего рода секуляризацией проповедей Феофана, выделением к самостоятельности и развитием сатирико-политических элементов, которые у Феофана были, в сущности, лишь фиктивно связаны с жанром проповеди, так и язык этих сатир представляет блестящее развитие и полную литературную реализацию той нормы, которая у Феофана

⁶⁰ А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений, ч. X, стр. 149.

⁶¹ Ф. Прокопович. Духовный регламент, стр. 63—64.

⁶² Интересный пример непосредственного заимствования сюжета у Прокоповича в басне Сумарокова «Кисельник» указал М. И. Сухомлинов, см.: М. И. Сухомлинов. Заметка о Сумарокове. — ОРЯС, 1855, вып. 4, стр. 206—208.